

Пока Хан Сиэнь с признательными показаниями Фан Цзо спешил в императорский дворец, великая принцесса уже вымаливала прощение у государя.

Для этой аудиенции она облачилась в парадное одеяние. Весь ее облик дышал благородством и величием, а на лице застыло выражение суровой решимости исполнить свой долг.

Император изумился. Точнее, лицо его выразило крайнее удивление, хотя в глубине души он, возможно, и ожидал чего-то подобного. Неторопливо протянув руку к стоявшему на столе Чайнику Девяти Превращений и Золотого Дракона, он собственноручно налил себе чаю — редчайший случай. Сделал глоток. Обжигающий напиток хлынул в горло, и государь поморщился от внезапной боли, едва удержав величественную бесстрастность. Лицо его невольно исказилось.

У стоявшего подле евнуха Юань Бао сердце ушло в пятки. Он поспешно принял из рук императора пиалу и осторожно похлопал его по спине, помогая перевести дыхание. Лишь когда к правителю вернулся нормальный цвет лица, слуга неслышно отступил на прежнее место.

Государь любил наблюдать за приготовлением чая и предпочитал пить его горячим. Обычно Юань Бао сам заваривал листья и наливал напиток, предварительно убедившись, что тот остыл до приятной температуры — чтобы не обжечь губы, но и не дать остыть.

В этом деле евнух никогда не допускал промашек. Но сейчас император плеснул чай сам и в спешке обжегся.

Впрочем, легкая боль помогла государю собраться с мыслями. Он холодно взглянул на сестру.

— Ты утверждаешь, что сама подослала убийц к Хан Сиэню? И у тебя есть тому доказательства? Кто эти люди? Откуда они тебе известны?

По щекам великой принцессы покатались слезы.

— Государь, когда мой сын был ранен и я узнала, что до конца дней своих он не сможет даже удерживать палочки для еды, сердце мое, как матери, разрывалось от боли. Слепленная ненавистью, я жаждала лишь одного — чтобы Хан Сиэнь поплатился своими руками за то, что сотворил с моим Чжоу-эр. Тогда я случайно прослышала от людей о наемниках из цзянху, промышляющих подобными делами. В столице они держат игорный дом «Игорный дом Темные Ивы Цзяннаня», что в Шести усадьбах Северной улицы. Ваше Величество может отправить туда стражу для проверки. К тому времени, как я на них вышла, они уже собирались отойти от дел. Лишь надавив на них своим авторитетом великой принцессы, я заставила их выполнить это последнее поручение. Вот их опознавательный знак. У схваченных убийц должны быть такие же.

Договорив свою путаную, шитую белыми нитками ложь, великая принцесса извлекла из

широкого рукава тяжелую пластину и протянула ее вперед.

Юань Бао принял жетон, тщательно осмотрел его и лишь после этого бережно положил на императорский стол. Лицевая сторона бляхи была сработана грубо — на ней виднелась лишь вырезанная цифра «восемь». Обратная же, напротив, отличалась изяществом: по металлу вился тонкий рисунок ярко-алых цветов персика.

Среди личных вещей пойманных убийц действительно нашли подобные жетоны. Вот только вместо цифр на них были выбиты иероглифы, да и цветов персика на обратной стороне не имелось.

Государь небрежно отбросил пластину на край стола. Подав знак Юань Бао, который тут же беззвучно выскользнул из кабинета, он устремил на коленопреклоненную сестру тяжелый, угрожающий взгляд.

— Сестра, ты действительно держишь меня за трехлетнего ребенка, готового поверить в эти сказки? Если хочешь облегчить душу, говори правду. Попытка обмануть престол — это тягчайшее преступление. И даже то, что ты моя старшая сестра, не убережет тебя от кары.

В душе великой принцессы смешались радость и ужас. Радовало то, что император предсказуемо пришел в ярость от возможной лжи, пугало же осознание — пощады ей не у кого просить, и завтрашний рассвет она может встретить уже не в своем теле.

Она зарыдала еще отчаяннее, непрестанно кланяясь.

— Ваше Величество, каждое мое слово — истинная правда! Я действительно вышла на них случайно. Я вовсе не желала его смерти, лишь хотела, чтобы Хан Сизнь пролил кровь в уплату долга. Я и помыслить не могла, что это затронет третьего принца! Узнав о его ранении, я лишилась покоя от страха, хотя втайне и надеялась, что все обойдется. Но шила в мешке не утаишь... Пощадите, государь! Мой Чжоу-эр к этому непричастен. Если сомневаетесь, велите обыскать все поместье!

Она твердо решила стоять на своем: наемников наняла сама, целью было лишь ранить Хан Сизня, а о покушении на принца она ничего не знала. Пусть император не верит ни единому слову, сейчас это была ее единственная соломинка.

Только так она могла попытаться выгородить сына и спасти свои жизни. Ведь если их обвинят в заговоре с целью убийства наследника и принца, исход будет один — казнь.

Государь молча взирал на нее сверху вниз. В этот момент двери кабинета приоткрылись, и дежурный евнух негромко доложил о прибытии Хан Сизня.

Услышав это имя, великая принцесса зашлась в новом приступе рыданий и закричала,

утыкаясь лбом в холодный пол:

— Государь! Я сама отвечу за свои деяния! Мой сын чист перед законом! Хан Сиэнь из личной мести фабрикует улики, чтобы оговорить Чжоу-эр! Это наглая ложь и оскорбление величия трона!

Императору до смерти надоели эти причитания. Проигнорировав сестру, он бросил в сторону дверей короткое:

— Впустите.

Створки распахнулись, и в императорский кабинет вошел Хан Сиэнь.

Он двигался неторопливо и уверенно. Заметив бьющуюся в истерике на полу великую принцессу, юноша на мгновение изобразил крайнее удивление, после чего вежливо склонился в приветствии перед государем.

Император едва не усмехнулся, глядя на него. Втайне он злился на излишнюю прыть Хан Сиэня. Хотя правитель и недолюбливал великую принцессу с ее сыном из-за старой истории с генералом Фан Тянем, но одобрять использование фальшивых улик против знати он не мог — если об этом прознают в совете, начнется смута.

Государь нахмурился, решив дать юноше шанс вовремя отступить.

— Ну что, сознался твой пленник? — спросил он довольно сурово.

Хан Сиэнь на секунду замешкался, на его лице отразилось явное смущение. Затем он обеими руками поднял над головой свиток с показаниями Фан Цзо и негромко произнес:

— Кое в чем сознался, Ваше Величество.

Император внимательно посмотрел на него. Юноша выглядел непривычно робким, словно его поймали на чем-то предосудительном. Государь сверлил его взглядом, но Хан Сиэнь благоразумно держал голову опущенной.

Наконец император кивнул вернувшемуся Юань Бао, чтобы тот принял свиток.

Однако разворачивать бумагу государь не спешил. Он постучал пальцами по столу и вкрадчиво спросил:

— Хан Сиэнь, ответь мне: какая кара ждет того, кто посмеет солгать государю?

Юноша вздрогнул, но ответил без колебаний:

— Смертная казнь, Ваше Величество.

— А если этот глупец, зная о каре, упорствует в своем обмане? — продолжал допрос император, помрачнев еще сильнее.

Хан Сиэнь на мгновение задумался, подбирая слова.

— Смерть на смерть? Осквернение праха и сотня ударов плетью по трупу?

Император едва сдержал вздох. Разговаривать с Хан Сиэнем в подобном ключе было сплошным испытанием для его нервов.

Поняв, что намеков юноша принимать не желает, государь оставил попытки вразумить его. Он даже потерял интерес к свитку и небрежно бросил:

— Ладно. Рассказывай, что там с делом Фан Цзо? В чем именно он сознался?

Лицо Хан Сиэня исказилось раскаянием. Он поднял глаза на государя и с горечью проговорил:

— Прошу пощады, Ваше Величество. Похоже, ваш покорный слуга поторопился с выводами. Тщательное расследование показало, что молодой господин Фан никак не связан с покушением на мою жизнь. Как только будет вынесено решение суда, я лично отправлюсь к нему с извинениями. Я подвел ваше доверие...

— Погоди-ка, — прервал его император. Он на мгновение усомнился в собственном слухе.

Коленопреклоненная великая принцесса резко вскинула голову, уставившись на Хан Сиэня ошеломленным взглядом.

Государь жестом велел юноше замолчать и переспросил:

— Ты утверждаешь, что Фан Цзо непричастен к покушению?

Хан Сиэнь виновато склонил голову.

— Именно так, государь. После повторного допроса стало ясно, что убийцы оклеветали молодого господина Фана. Мои подозрения были излишне предвзятыми, и в этом лишь моя вина. К счастью, справедливость восторжествовала, и имя господина Фана очищено. Прошу великую принцессу не держать на меня зла.

С этими словами Хан Сиэнь вежливо поклонился принцессе, всем своим видом выражая глубокое и искреннее раскаяние.

Для великой принцессы эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Внутри у нее все похолодело. Осознание того, что она только что добровольно призналась в преступлении, которого ее сын не совершал, парализовало ее. В безумном порыве она бросилась к столу, колотясь головой о каменные плиты и оставляя на них кровавые следы.

— Государь! Это ловушка! Он все подстроил! Хан Сиэнь намеренно заманил меня в эти сети!

Хан Сиэнь испуганно отшатнулся от беснующейся женщины и бросил на императора недоуменный, вопрошающий взгляд.

Государь холодно процедил, глядя на окровавленное лицо сестры:

— И в какую же ловушку ты угодила, позволь узнать?

Великая принцесса открыла было рот, готовая выдать людей Хан Сиэня, которые тайно следили за ней и докладывали во дворец, но вовремя осеклась, встретив ледяной взгляд брата.

Слежка за приближенными императора и сокрытие информации от государя — совсем другое дело. Первое еще можно было списать на материнскую тревогу, но второе в глазах правителя выглядело как государственная измена.

Сейчас принцесса проклинала собственную глупость и нерасторопность. Ей не хватило времени разгадать замысел Хан Сиэня, а вдовствующая императрица, на чью помощь она так надеялась, до сих пор не подала голоса, предпочтя остаться в стороне.

Император подметил эту секундную заминку. Любые попытки вести игру за его спиной он запоминал крепко и не прощал никому.

И великая принцесса не станет исключением.

Не желая больше разыгрывать эту комедию, государь повернулся к Хан Сиэню. Голос его заметно смягчился.

— Если Фан Цзо невиновен в покушении, то в чем же он сознался? Зачем ты принес эту бумагу?

Если Хан Сиэнь действительно использовал этот блеф, чтобы вырвать у принцессы признание, государю оставалось лишь подивиться его изворотливости и редкой удачливости.

Хан Сизнь вел свою партию безупречно. На лице его отразилась глубокая печаль. После недолгой паузы он со вздохом ответил:

— Молодой господин Фан поведал о своих бесчинствах на западной границе. Каждое его злодеяние подробно записано в этом свитке и скреплено его личной подписью и отпечатком пальца. Гвардейцы могут подтвердить, что никакого насилия к нему не применялось. Все это бросает тень на величие Вашего Величества...

Император наконец развернул свиток. Пробежав глазами первые несколько строк, он с силой швырнул свиток под ноги великой принцессе. Та бросила мимолетный взгляд на исписанную бумагу — и знакомые имена заставили ее сердце уйти в пятки.

Она поняла: это конец. Для нее и для ее сына.

Государю давно претила мысль о бесчинствах Фан Цзо, слухи о которых доходили до него и раньше, но до сего дня у него не было прямых доказательств, чтобы покарать этого бастарда. Теперь же, когда перед ним лежали неопровержимые улики, подкрепленные признанием самой принцессы в организации покушения, его терпение лопнуло.

— Довольно, — ледяным тоном произнес император. — Указом моим Великая принцесса лишается своего титула и низводится до положения простолюдинки. Что же до Фан Цзо... этот негодяй, ослепленный безнаказанностью, совершил слишком много зла. Раз уж он оказался в темнице, пусть там и остается до конца своих дней. Уведите ее.

Вошедшие стражники грубо схватили бывшую принцессу за руки. Обливаясь слезами и пачкая пол кровью из разбитого лба, она взмолилась:

— Брат мой! Я знаю, что виновна, и не прошу пощады для себя! Но умоляю тебя, вспомни наше детство! Пощади моего Чжоу-эр! Помнишь, как я приняла за тебя яд? Я едва не погибла тогда! Весь его грех — моя вина, это я не смогла его воспитать! Молю, пощади его!

Государь, чей мягкий нрав частенько мешал ему казнить близких, на мгновение дрогнул. Лицо его отразило глубокую скорбь. С трудом сдержав вздох, он глухо произнес:

— Ты покушалась на жизнь наследника и принца империи. Лишь памятуя о нашем детстве, я сохранил тебе жизнь и ограничился лишь лишением титула. Это величайшая милость, на которую ты могла рассчитывать. Что же до Фан Цзо... его дела омерзительны. И в нем нет ни капли благородства покойного генерала Фан Тяня.

При последних словах государя женщина застыла. Она поняла: император давно знает, чей на самом деле сын Фан Цзо. Силы окончательно покинули ее, и она не смогла вымолвить больше ни слова.

Будь Фан Цзо действительно сыном Фан Тяня, государь, возможно, и смягчил бы приговор из уважения к памяти верного полководца. Но теперь надежды не осталось. Император лишь устало махнул рукой, призывая стражу поскорее увести ее.

Еще долго из коридоров дворца доносился отчаянный, полный невыразимого горя плач лишенной всего женщины. Но даже в этот последний миг она не посмела обернуться и сказать правду.

Она предпочла унести тайну покушения с собой, оставив за собой вину за несовершенное преступление.

Когда крики окончательно стихли, император бессильно откинулся на спинку резного трона. Он давал ей шанс очистить душу, но она им так и не воспользовалась.

Спустя минуту государь перевел взгляд на молчаливого Хан Сиэня.

— Твоя служба неоценима, — негромко произнес он. — Хоть мне и горько от случившегося, твоя преданность заслуживает награды. Я не забуду этого.

Юноша почтительно склонился.

— Благодарю Ваше Величество за милость. Ваш покорный слуга лишь пытался докопаться до истины, но вместо заговорщиков наткнулся на эту неприглядную историю... Надеюсь, души тех, кто пострадал от рук Фан Цзо на границе, обретут покой, зная, что кара настигла виновного благодаря мудрости государя. Я лишь исполнял свой долг и не смею просить о награде.

Лесть Хан Сиэня, тонкая и своевременная, пришлась императору по душе. Горький осадок, оставшийся после тяжелого разговора с сестрой, понемногу рассеялся.

Государь задумчиво погладил усы и многозначительно добавил:

— Расследование дела о покушении не закончено. Продолжай копать в том направлении, куда вели нити великой принцессы. У нее никогда не хватило бы ума и связей, чтобы нанять столько мастеров в столице. Мой приказ остается прежним: кто бы ни стоял за этим — взять под стражу.

Хан Сиэнь низко поклонился.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

Выйдя из императорского кабинета, Хан Сиэнь неторопливо зашагал по дворцовым переходам.

Вокруг раскинулся пышный, залитый солнцем сад, но в ушах его все еще стоял предсмертный, отчаянный плач поверженной принцессы.

Люди — странные существа. Сколько бы зла они ни совершили за свою жизнь, перед самым концом они всегда пытаются вымолить сострадание, выставляя напоказ свои былые заслуги.

Великая принцесса пошла на все ради своего обожаемого сына, закрывая глаза на его бесчинства.

Но стоила ли того ее слепая любовь? Возможно, союз с генералом Фан Тянем изначально был предрешен на гибель.

Когда-то они искренне пытались построить совместную жизнь, но чужие интриги разрушили этот хрупкий мир. У каждого из них были свои маски и свои тайны.

Генерал Фан Тянь казался человеком простым и грубым, но он далеко не был глупцом и наверняка догадывался о тайне рождения Фан Цзо.

А сама принцесса, ослепленная гордыней и властью, безраздельно баловала бастарда, пока тот окончательно не погубил их обоих.

Впрочем, все это были лишь догадки. Генерал Фан Тянь давно покоился в сырой земле, а Хан Сиэнь умел читать мысли лишь живых людей. Мертвые же хранили свои секреты свято.

История с Фан Цзо и великой принцессой для него была завершена. Дальнейшее его уже не заботило.

<http://bllate.org/book/20088/2002047>